Т. И. ЮСУПОВА

ОРГАНИЗАЦИЯ ЭКСПЕДИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АКАДЕМИИ НАУК: 1921–1930 гг. *

В статье рассматриваются общие вопросы создания и деятельности Комиссии по научным экспедициям Российской академии наук, ее функционирование в системе академических учреждений, основные этапы и специфика ее работы. Особое внимание уделяется первым годам существования комиссии, в меньшей степени отраженным в литературе по истории Академии наук.

Ключевые слова: экспедиционная деятельность, Российская академия наук, организация научных исследований.

Экспедиционные исследования всегда занимали особое место в деятельности Российской академии наук. Научные экспедиции, прежде всего для изучения России, составляли, по мнению неперемного секретаря РАН академика С. Ф. Ольденбурга, предмет ее справедливой гордости¹. Академик А. Е. Ферсман, разделяя взгляд своего коллеги, добавлял, что этот научный метод важен как «в области практических проблем познания страны, ее населения и природных богатств», так и «в области построения самой науки, завоевывания новых фактов, накопления описательного и музейного материала»². Кроме того, экспедиции были той формой деятельности Академии наук, значимость которой обществу была понятна – будь то изучение страны и получение информации для «внутреннего пользования» или изучение другого государства, когда академические экспедиции не только доставляли новое знание, но и в определенной степени повышали международный авторитет страны³.

Впрочем, следует отметить, что экспедиционная деятельность Академии наук развивалась, как отмечал Ферсман, «отдельными порывами»⁴. В XVIII в.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 08-03-00443а.

¹ Отчет о деятельности Академии наук за 1923 г., составленный неперемным секретарем, академиком С. Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 2 февраля 1924. Пг., 1924. С. 4.

² Ферсман А. Е. Экспедиционная деятельность Академии наук СССР и ее задачи. Л., 1929. С. 1.

³ Феклова Т. Ю. Экспедиции Академии наук в первой половине XIX века: научно-организационные и административно-финансовые аспекты. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. СПб., 2012.

⁴ Экспедиционная деятельность Академии наук нашла широкое освещение в многочисленных научных, научно-популярных и популярных публикациях, в кинематографе. Разнообразие экспедиционных задач в 1920-х гг. и результаты исследований нашли отражение в ежегодных отчетах о деятельности Академии наук (Отчеты о деятельности РАН/АН СССР за 1921–1930 гг. Пг./Л., 1922–1931), в которых с 1926 по 1929 гг. для результатов экспедиций был выделен отдельный том (Отчеты о деятельности АН СССР за 1926–1929 гг. Ч. 2. Л., 1927–1930), в «Трудах» и «Материалах» отдельных учреждений: «Осведомительный бюллетень ОКИСАР» (1926–1928), «Осведомительный бюллетень Комиссии экспедиционных исследований АН СССР» (1928–1929), «Материалы комиссии экспедиционных исследований» (1928–1930),

широкомасштабные академические экспедиции стали значительным явлением в науке и культуре этого периода, совершив своего рода революцию в познании России, ее территории, населения, природных богатств. Начало XIX в. ознаменовалось блестящими российскими кругосветными и полукругосветными экспедициями в организации и проведении которых Академия наук принимала деятельное участие⁵. Несколько позже заметными явлениями в научной жизни стали экспедиции К. М. Бэра, А. Ф. Миддендорфа и др. Во второй половине XIX – начале XX в. активные экспедиционные исследования стали осуществлять Русское географическое общество, Геологический комитет, Минералогическое и Археологическое общества, Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии и другие учреждения. Академия наук как организатор экспедиций отошла на второй план, значительно сократив их количество. Не последнюю роль в этом процессе, безусловно, сыграли постоянные трудности с получением финансирования. Однако, на наш взгляд, сказалось также приоритетное положение в Академии наук этого периода «чистой науки», ее «преобладающее и господствующее место»⁶, преимущественная направленность на решение теоретических вопросов и фундаментальных проблем.

позже «Труды Совета по изучению производительных сил» (с 1931 г.) и др. Отчеты и сообщения об экспедиционной работе регулярно публиковались также в «Вестнике», «Известиях», «Докладах» Академии наук, различных «Записках» и других общеакадемических изданиях, в научно-популярных журналах, издававшихся Академией наук (см.: Деятельность Академии наук СССР 1917–1972. Указатель литературы. М., 1974).

По истории экспедиций Академии наук наиболее востребованным до сих пор является сборник «Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках», составленный в 1940 г. сотрудником Архива АН СССР В. Ф. Гнучевой. Многочисленные данные об экспедициях, их ходе, проблемах и особенностях приведены в «Летописи Российской академии наук» (СПб., 2000–2007). обстоятельный обзор академической экспедиционной деятельности в первые послереволюционные годы был сделан П. В. Виттенбургом в тематическом выпуске журнала «Природа», посвященном 200-летию юбилею РАН (1925. № 7–9). Своеобразным подведением опыта экспедиционной работы в советское время стала публикация А. Е. Ферсмана «Экспедиционная деятельность Академии наук СССР и ее задачи» (Л., 1929). В дальнейшем экспедиционная деятельность во многих изданиях, посвященных Академии наук, рассматривалась в общем контексте ее истории и долгое время после публикации Ферсмана не выделялась в отдельный объект исследования. Одними из первых специализированных работ, обобщающих деятельность геологических и минералогических экспедиций, являются монография Г. Д. Курочкина «Исследование минеральных ресурсов экспедициями Академии наук СССР (1919–1959 гг.)» (М., 1959) и сборник «История исследований полезных ископаемых экспедициями Академии наук СССР» (М., 1966).

В последние годы опубликованы исследования по истории отдельных академических комиссий, в которых экспедиции являлись одним из основных методов их работы (*Кольцов А. В.* Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России. 1915–1930 гг. СПб., 1999; *Ермолаева Ю. Н.* Якутская комплексная экспедиция. 1925–1930. Новосибирск, 2001; *Виттенбург Е. П.* Комиссия Академии наук по изучению производительных сил Якутской АССР (1925–1930). Якутск, 2008; *Юсупова Т. И.* Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности. 1925–1953 гг. (СПб., 2006). История и результаты полевых исследований рассматриваются также в публикациях (научных и научно-популярных), посвященных ученым, организовавшим или участвовавшим в их исследованиях.

⁵ *Смирнов В. Г.* Исследования мирового океана военными моряками и учеными России (1826–1895 гг.). СПб., 2007.

⁶ *Ольденбург С. Ф.* Российская академия наук в 1921 г. Отделение физико-математических наук и исторических наук и филологии. Речь неперменного секретаря, академика С. Ф. Ольденбурга, читанная в торжественном заседании 29 декабря 1921 года. Пг., 1921. С. 7.

Первая мировая война изменила исследовательские мотивации и ценности ученых: Академия наук активно включилась в решение практических задач по укреплению обороноспособности страны и выполнение военных заказов. Этому способствовало изменение отношения государства к науке в целом, признание ее важности для государственных и военных нужд⁷. Реакцией на произошедшие изменения стало создание в России сети специализированных институтов, целью которых было удовлетворение практических потребностей экономического развития страны⁸. Начало этому процессу в рамках академии положило создание Комиссии по изучению естественных производительных сил страны (КЕПС, 1914–1930), в деятельности подразделений которой экспедиционные исследования играли важную роль⁹.

Последовавшие затем революция и Гражданская война усложнили в целом научную деятельность Академии наук, поставив ее на грань физического выживания. Особенно остро эта ситуация отразилась на организации экспедиционных исследований, которые практически прекратились. Тем не менее важность этого научного метода в деятельности Академии наук требовала принятия определенных мер для ее возобновления. Организация экспедиций во все время существования Академии наук была сопряжена с большими трудностями. В структуре финансирования, выделяемого на ее содержание, не предусматривались средства на проведение экспедиций. Это обстоятельство затрудняло их организацию, и ученым приходилось проходить сложную и многоступенчатую процедуру по утверждению своих проектов в различных государственных ведомствах и получению для них финансирования.

В начале 1920-х гг. ситуация с организацией экспедиций усугубилась еще тяжелым экономическим положением в стране и сложными взаимоотношениями Академии наук и нового советского правительства, преимущественно поддерживавшего прикладные исследования, инициируемые научными учреждениями ВСНХ, Наркомзема, Наркомздрава, Наркомпроса. Для «встраивания» академического сообщества в новые социальные сети, адаптации к новым социально-политическим реалиям появилась необходимость создания внутриакадемического органа, координирующего организацию экспедиций. Поводом для его организации послужила инициатива Зоологического (ЗМ) и Геологического и минералогического музеев (ГиММ) АН провести совместные исследования в Монголии, в ее в северо-западной части. С этим предложением на заседании Отделения физико-математических наук Академии наук 28 сентября 1921 г. выступил П. П. Сушкин. Выбор района исследований он объяснил необходимостью продолжения работ, начатых здесь еще в дореволюционные годы, а способствовала ему новая международная реальность: по мнению именитого орнитолога

⁷ См., напр.: *Дмитриев И. С.* Бензольное кольцо Российской империи. СПб., 2005; *Елина О. Ю.* Мир, война и «туковый вопрос» (из истории производства минеральных удобрений в России, 1900–1920-е гг.) // ВИЕТ. 2001. № 3. С. 3–37.

⁸ *Кожевников А. Б.* Первая мировая война, Гражданская война и изобретение «большой науки» // Власть и наука, ученые и власть. 1880-е – начало 1920-х годов. СПб., 2003. С. 87–111.

⁹ *Кольцов.* Создание и деятельность Комиссии...

с возникновением народного правительства в Монголии там прекратились волнения и между монгольским и советским правительством России установились дружественные отношения¹⁰.

По-видимому, мысль об организации совместных экспедиций для комплексного подхода к решению научных задач уже обсуждалась в кулуарах РАН. На заседании Общего собрания 1 октября 1921 г. Ольденбург, докладывая о совместном проекте Зоологического и Геологического и минералогического музеев, выступил с предложением «ввиду того, что желательно такие экспедиции сделать по возможности разносторонними», а также поскольку «постоянно намечаются и осуществляются все новые экспедиции» образовать Комиссию по научным экспедициям (КЭ), в задачи которой входила бы координация этих работ¹¹. Общее собрание одобрило предложение неперменного секретаря и избрало его председателем комиссии, а сотрудника ГиММ М. В. Баярунаса – ее ученым секретарем и предложило войти в ее состав членам Конференции «с предоставлением председателю права приглашения также других ученых»¹².

Официально список КЭ не был утвержден. В отчете о деятельности за 1922 г. указано, что в ее состав вошли представители различных академических учреждений, прежде всего те, кто планировал организовать экспедиции в ближайшее время: А. А. Бялыницкий-Бируля (ЗМ), В. И. Вернадский (ГиММ, КЕПС), Б. Н. Городков (Ботанический музей (БМ)), Д. А. Золотарев (Комиссия по изучению племенного состава населения страны (КИПС)), Н. А. Кулик (ГиММ), С. Ф. Ольденбург (Азиатский музей), И. П. Рачковский (ГиММ), П. П. Сушкин (ЗМ, ГиММ), А. Е. Ферсман (ГиММ), П. В. Виттенбург (ГиММ), С. И. Руденко (КИПС), Г. Ю. Верещагин (Гидрологический институт), Л. С. Берг (ЗМ, Гидрологический институт), А. А. Григорьев (КЕПС), Л. А. Кулик (ГиММ). Состав комиссии претерпевал постоянные изменения – шла своего рода ротация: некоторые члены уезжали в экспедиции, на смену им приходили руководители будущих экспедиций и участвовали в обсуждении своих проектов. Бессменным председателем КЭ являлся Ольденбург, его заместителем – Ферсман. Ученым секретарем до июля 1924 г. был Баярунас (в 1924 г. под его руководством началась Тургайская экспедиция), затем – Виттенбург, а после его перехода на должность ученого секретаря Якутской комиссии АН, с 1926 г., – Н. В. Раевский. Решение оперативных вопросов осуществлялось президиумом комиссии, в состав которой входили председатель, его заместитель и ученый секретарь. КЭ, как и другие академические комиссии, работала на общественных началах, заработанную плату получал только ученый секретарь, который вел большую административную работу.

В своей речи на годовом собрании Академии наук 29 декабря 1921 г. Ольденбург объяснил необходимость создания Комиссии по научным экспедициям тем, что

¹⁰ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 1. Оп. 1а. Д. 169. Л. 141.

¹¹ Цит. по: Документы по истории Академии наук СССР. 1917–1925 гг. / Отв. ред. Б. В. Левшин. Л., 1986. С. 203.

¹² Протоколы Общего собрания РАН. 1921. 1 октября. Пг., 1922. С. 145.

до сих пор экспедиционное дело в организационном отношении нигде не поставлено надлежащим образом и что принципы научной экспедиции не только не применяются на практике, но даже не выработаны. Этой выработке и должна себя посвятить новая академическая комиссия, объединяя в этом отношении науки естественно-исторические и гуманитарные¹³.

В 1922 г. прошло шесть заседаний КЭ, на которых обсуждались научные программы, разбирались вопросы организации и планирования экспедиций, способы получения финансирования, а также порядок инвентаризации и место хранения экспедиционного оборудования и снаряжения. На одном из первых заседаний КЭ (16 января 1922 г.) по предложению Ольденбурга были приняты два основных условия организации академических экспедиций: не включать в их планы политические задачи и, учитывая потребности «текущего момента», считать «вполне приемлемыми» решение экономических проблем¹⁴. Но жизнь вносила свои коррективы, и политическая значимость в целом ряде случаев, особенно для экспедиций в зарубежные страны, являлась важнейшим основанием для их утверждения в государственных структурах. Даже если речь шла об экспедиции внутри страны, вероятность финансирования возрастала в случае, если ее организация обосновывалась сохранением приоритета в определенной отрасли знания и укрепления авторитета российской науки на международной арене. Как правило, этот аргумент работал на фоне успехов в аналогичных исследованиях иностранных ученых.

Не менее важным для КЭ, чем организации исследовательской работы, являлось взаимодействие с государственными структурами для получения финансирования. Эта задача была весьма непростой не только из-за трудного экономического положения в стране, но и вследствие резкого расширения и усложнения системы научных организаций и разветвления бюрократического аппарата управления научной деятельностью. В самом начале 1920-х гг. шел активный процесс создания разнообразных институтов и лабораторий, библиотек, музеев, архивов, научных обществ, краеведческих организаций, подчинявшихся ВСНХ, Наркомзему, Наркомздраву, Наркомпросу (куда входила и Академия наук) и другим наркоматам и ведомствам¹⁵. Для регулирования их научной деятельности, в том числе экспедиционной, на разных государственных уровнях создавались специальные подразделения, нередко дублирующие друг друга. Основной задачей создаваемых структур являлась «увязка научно-исследовательской деятельности с народно-хозяйственными потребностями» страны¹⁶. В роли эксперта выступал созданный в феврале 1921 г. при Совете по труду и обороне (СТО) Госплан (Государственная об-

¹³ Российская академия наук в 1921 г. Отделения Физико-математических наук и исторических наук и филологии. Речь непрямого секретаря, академика С. Ф. Ольденбурга, читанная в торжественном заседании 29 декабря 1921 г. Пг., 1921. С. 13.

¹⁴ СПФ АРАН. Ф. 138. Оп.1–1924. Д. 1. Л. 6.

¹⁵ Бастракова М. С. Становление советской системы организации науки. М., 1973.

¹⁶ Отчет оргкомитета по созыву конференции // Бюллетень Всероссийской конференции по изучению естественных производительных сил страны. М., 1923. № 1. С. 8.

щеплановая комиссия). Порядок рассмотрения экспедиционных заявок был определен в постановлении СТО от 15 марта 1922 г.:

Все проекты снаряжения научно-исследовательских или обследовательских экспедиций или отрядов должны поступать на предварительное рассмотрение в Госплан, который обязан согласовывать эти проекты со всеми заинтересованными ведомствами и со своими окончательными заключениями представить в СТО на утверждение¹⁷.

Внутри секции районирования в апреле 1922 г. была создана специальная Комиссия по научно-исследовательским экспедициям, где сосредоточилась основная работа по отбору проекту для рассмотрения Госпланом. В ее состав от Академии наук вошли академик Ферсман и Д. Н. Прянишников. Уже в мае–июне 1922 г. комиссия начала предпринимать первые шаги по объединению ведомственных научных работ и пришла к выводу, что «в интересах сбережения» сил и государственных средств необходимости созвать конференцию по исследованию производительных сил страны, которая бы выработала основные принципы ведения экспедиционной деятельности¹⁸. Автоматически Комиссия по экспедициям Госплана превратилась в оргбюро по подготовке конференции. Его работа очень быстро вышла за рамки только подготовки конференции, и этот орган стал первым реальным вневедомственным оперативным учреждением, от решения которого во многом зависела судьба экспедиционных проектов.

Вся исследовательско-экспедиционная работа была разбита оргбюро на три группы: 1) изучение минеральных ресурсов, 2) изучение гидрологических, почвенных и геоботанических ресурсов (необходимых для восстановления сельского хозяйства), 3) работы общегеографического и общенаучного характера¹⁹. Последняя группа подвергалась наибольшему сокращению. Именно в эту группу попадало большинство академических заявок (исключение составляли экспедиции КЕПС).

Для оперативного взаимодействия с оргбюро, находящегося в Москве, по инициативе Ферсмана в Петрограде в июле 1922 г. было создано его отделение, состоящее, как и московское, из нескольких секций, соответствующих секциям Госплана (недр, геоботанической, воды, почвенных исследований, человека и др.). Почетным председателем петроградского представительства стал академик А. П. Карпинский, председателем Ферсман, заместителем председателя Я. С. Эдельштейн²⁰.

Комиссия по экспедициям была образована и при Особом временном комитете науки (ОВКН)²¹, где также предпринимались попытки обработки

¹⁷ Летопись Российской академии наук. В 4 т. / Отв. ред. Э. И. Колчинский, Г. И. Смагина. СПб., 2007. Т. 4. 1901–1934. С. 434.

¹⁸ Отчет оргкомитета по созыву конференции... С. 8. В первые десятилетия XX в. съезды, совещания и конференции являлись наиболее распространенной формой координации работ как по отраслям науки, так и по научным проблемам.

¹⁹ Отчет оргкомитета по созыву конференции... С. 11–12.

²⁰ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 18. Д. 5. Л. 6.

²¹ *Макеева В. Н.* Комитет науки при Совнарком в 1922–1924 гг. // Вестник АН СССР. 1966. № 5. С. 110–114.

«методик» отбора научно-исследовательских экспедиций. С этой целью на заседании ОВКН 23 августа 1922 г. было принято решение

в целях правильной постановки объединения научно-исследовательской экспедиционной работы в республике признать необходимым:

1. Все экспедиции ведомств должны быть привязаны к определенным научным учреждениям, которые ответственны за научную сторону экспедиции.
2. Госплан рассматривает сметы на экспедиции при участии представителей заинтересованных наркоматов, члена Особого временного комитета науки, заведующего Главнаукой, заведующего Главпрофобром и представителя Академии наук ²².

Таким образом, чтобы получить финансирование для экспедиции, учреждение должно было подать ее проект на предварительное рассмотрение в определенную секцию оргбюро (Петрограда или Москвы), которое составляло сводные планы и представляло их в Госплан. Последний при участии ОВКН проводил согласование экспедиций с «заинтересованными ведомствами» и затем представлял свое заключение на утверждение в СТО.

Продвижением академических экспедиций в различных государственных структурах занимались руководители Академии наук, одновременно являвшиеся руководителями КЭ – академики Ольденбург и Ферсман, и заместитель председателя ОВКН академик В. А. Стеклов. Разнообразие инстанций, куда необходимо было подавать планы, сметы, объяснительные записки, отнимало много времени и требовало нередко дополнительно личного лоббирования проектов руководителями экспедиций. Так, рассматривая заявку ГиММ и Зоологического музея на организацию Монгольской экспедиции, КЭ порекомендовала ее инициаторам Рачковскому и Сушкину самим ехать «для проталкивания дела в Москву» ²³.

Сразу же по созданию КЭ рассмотрела планы трех больших экспедиций: геологической и зоологической в северо-западную Монголию и Урянхайский край (руководители Рачковский и Сушкин), палеонтологической в Тургайскую область (руководитель Баярунас) ²⁴ и геоботанической в северо-западную Сибирь (руководитель – ученый хранитель Ботанического музея Городков) и «возбудила ходатайства» о получении финансирования для осуществления этих важных, по мнению комиссии, «в научном и отчасти в практическом отношении экспедиций» ²⁵. После прохождения по инстанциям из заявки КЭ поддержку получила только Монголо-Урянхайская геологическая экспедиция под руководством Рачковского, которая должна была продолжить изучение этого региона, начатое ГиММ еще в начале 1900-х гг., и имела, кроме практического, важное международное значение: на территории Монголии в 1921 г.

²² СПФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 70. Л. 50.

²³ СПФ АРАН. Ф. 138. Оп. 1–1924. Д. 1. Л. 6.

²⁴ Раскопки ископаемой фауны в Тургайской области были начаты в 1913 г. после того, как в ГиММ были доставлены случайно обнаруженные во время проведения здесь гидрогеологических изысканий кости ископаемых животных. Активное освоение этого богатого костеносными слоями района началось в 1920-х годах.

²⁵ Российская академия наук в 1921 г. С. 12–13.

начала работать Центральнаяазиатская экспедиция Нью-Йоркского музея естественной истории под руководством Р. Ч. Эндрюса²⁶. Учитывая эти обстоятельства, средства на проведение геологического исследования Монголии были выделены из особых сумм Совнаркома²⁷. Монголо-Урянхайская экспедиция стала единственной академической экспедицией, получившей полную правительственную финансовую поддержку в 1922 г.

В организации Тургайской палеонтологической экспедиции в 1922 г. было отказано по трем причинам: из-за ее высокой стоимости, отсутствия «практических выгод» и сложной ситуации в местах ее проведения («невозможности провоза вещей и продовольствия через районы, захваченные голодом, ввиду грабежа поездов»²⁸). Однако через год, учитывая важное международное значение продолжения начатых еще в 1913 г. раскопок в этом районе, «ввиду конкуренции, которую представляют работы американских и французских музеев в Центральной Азии»²⁹, финансирование на проведение Тургайской экспедиции было выделено и в 1924 г. она начала свою работу, продолжавшуюся несколько лет.

Для осуществления Геоботанической экспедиции Городкова Академия наук обратилась за помощью в Уральский областной комитет³⁰, и в 1923 г. были проведены рекогносцировочные исследования, итогом которых стала программа всестороннего естественно-географического изучения севера Уральского хребта и примыкающей к нему с востока полосы Зауралья. Финансирование Североуральской экспедиции взяли на себя Уралплан, западносибирские государственные учреждения и Геологический комитет. Работа экспедиции, в которой принимали участие сотрудники ГиММ, Зоологического музея и других академических учреждений, продолжалась по 1928 г.

Следует сказать, что КЭ не только в случае с Североуральской экспедицией инициировала поиск средств для осуществления экспедиционных исследований. Протоколы заседаний КЭ показывают, что члены комиссии рассматривали разные варианты получения финансирования, а не только полагались на средства, выделяемые АН по линии Наркомпроса. Так, например, при обсуждении

²⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2307. Оп. 2. Д. 77. Л. 152.

²⁷ Но даже в этом случае возникли непредвиденные проблемы: средства на экспедицию были опущены в денежных знаках Советской России, не имевших хождения на территории Монголии. Поэтому предполагалось, что оплата потребностей экспедиции в Монголии будет производиться путем натурального обмена, главным образом, предметами советской мануфактуры. Однако, как выяснилось, Монголия была наводнена подобными товарами лучшего качества, которые поставляли Америка и Япония. Поэтому правительству пришлось еще дополнительно выделять для нужд экспедиции валюту (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 2. Д. 80. Л. 227).

²⁸ СПФ АРАН. Ф. 138. Оп. 1–1924. Д. 1. Л. 8.

²⁹ СПФ АРАН. Ф. 138. Оп. 1–1924. Д. 1. Л. 27. Как писал академик А. А. Борисяк, «тургайские фауны явились предвестниками тех замечательных открытий, которые вслед за тем были сделаны (американцами) в континентальной толще Центральной Азии, куда, естественно, и должны в дальнейшем распространиться поиски и раскопки [Геологического] музея: эти раскопки обещают полить свет на ряд темных вопросов в истории позвоночных, в частности, на происхождение различных групп млекопитающих и проч.». (Борисяк А. А. Геологический музей Академии наук в русской геологии // Природа. 1925. № 7–9. С. 104–116.)

³⁰ Летопись Российской академии наук... Т. 4. С. 434; Архипова Н. П. Как были открыты Уральские горы. Пермь, 1971.

геологических работ в Монголии предлагалось обратиться во Внешторг или в Сибревком, а в случае Тургайской экспедиции – к правительству Киргизии³¹.

На полевой сезон 1923 г. из представленных КЭ академических экспедиций Госплан признал подлежащей «немедленному осуществлению»³² только Северодвинскую экспедицию под руководством М. Б. Едемского, организованную для спасения палеонтологического материала В. П. Амалицкого, собранного во время еще довоенных поездок, и продолжения начатых им раскопок уникальных по богатству остатков пермской фауны. Ольденбург в годовом отчете о деятельности АН отметил, что экспедиция «блестяще выполнила свои задания как по вывозу коллекции Амалицкого (до 5500 пудов), так и по производству новых раскопок»³³. Доставка коллекций в Петербург стала возможной во многом благодаря помощи управления Северо-Западного речного государственного пароходства и управления Северодвинского речного государственного пароходства³⁴.

Отпущенные в 1923 г. экспедиционные средства были потрачены также на дополнительное финансирование продолжающей работать Монголо-Урянхайской экспедиции Рачковского и поездку Виттенбурга для завершения начатых им в 1917 г. исследований побережья около Владивостока и доставки ранее собранных коллекций. При этом КЕПС, благодаря прямому взаимодействию с Госпланом и местными хозяйственными учреждениями, смог организовать экспедицию из 17 человек на Южный Урал и в Белорецкий округ³⁵.

В отличие от незначительного, с трудом полученного финансирования для академических проектов, правительство в 1923 г. выделило 100 000 руб. золотом на организацию Монголо-Тибетской экспедиции РГО под руководством известного путешественника П. К. Козлова. Это факт вызвал резко негативную реакцию со стороны руководства РАН. Стеклов и Ольденбург попытались опротестовать ее утверждение. Но, учитывая важное политическое значение работы экспедиции Козлова на территории Монголии – стратегического партнера Советской России в центральноазиатском регионе, правительство не изменило своего решения.

Препровождая заявку на 1924 г., составленную КЭ, в Главнауку, Ферсман отмечал, что

РАН выделила при обсуждении плана исследовательских работ лишь те [работы], которые по своему характеру и практическому значению представляют особую важность [...] При этом Академией наук при выработке плана экспедиций имелась в виду необходимость соблюдения всемерной экономии, посему сметы экспедиций сведены ею в минимальных цифрах³⁶.

³¹ СПФ АРАН. Ф. 138. Оп. 1-1924. Д. 1. Л. 6.

³² ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 2. Д. 80. Л. 143.

³³ Отчет о деятельности Российской академии наук за 1923 г.... С. 166. Для изучения уникального палеонтологического материала (часть которого была перевезена в музей ранее) в Геологическом музее был создан специальный отдел «Северодвинская галерея», работу которого возглавил Сушкин. См.: Сушкин П. П. Северо-Двинская галерея Академии наук // Наука и ее работники. 1922. № 5. С. 3–6. В настоящее время северодвинские находки находятся в Палеонтологическом музее РАН в Москве.

³⁴ Отчет о деятельности Российской академии наук за 1923 г.... С. 23.

³⁵ Там же. С. 14.

³⁶ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1923. Д. 1. Л. 148.

Кроме АН в список Главнауки входили заявки Академии истории материальной культуры, РГО и его отделов (в частности, Туркестанского), Российского гидрологического института, Государственного колонизационного института, Московского общества испытателей природы, Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Центрального бюро краеведения, Волжской биологической станции, целого ряда провинциальных научных обществ (Костромского, Саратовского, Вятского) и других учреждений всего на сумму 273 711 руб.³⁷ Выделено учреждениям Главнауки было чуть больше десятой части требуемого – 34 000 руб.³⁸ При этом Академия наук получила из этой суммы 10 000 руб.

Ферсман, докладывая КЭ результаты своей командировки в Москву, отметил, что была возможность получить дополнительное финансирование, учитывая «весьма благожелательное отношение Госплана» к экспедиционной деятельности. Однако Главнаука не проявила должной настойчивости в этом вопросе, поскольку, по мнению Ферсмана, учреждение несколько «враждебно» воспринимало экспедиционную деятельность. Такая ситуация, как оказалось, складывалась и в других ведомствах, где «само название “экспедиция” вызывает к себе плохое отношение». В оргбюро в Москве даже рассматривался вопрос о переименовании экспедиций в «летную исследовательскую работу»³⁹. Скорее всего этот факт можно объяснить недопониманием чиновниками значимости экспедиционных исследований в общей научной работе и восприятием ее как дорогостоящего предприятия в условиях, когда выделяемое научным и культурным учреждениям финансирование было недостаточным для поддержания их нормального функционирования.

Полученные Академией наук средства на заседании КЭ 11 марта 1924 г. были распределены между Тургайской экспедицией Баярунаса, Калиевой экспедицией КЕПС, которой руководил академик Н. С. Курнаков, и Гренландской экспедицией⁴⁰. Кроме того, небольшая сумма (500 руб.) была выделена на раскопки ископаемых насекомых в Туркестане сотруднику Зоологического музея А. В. Мартынову. Остальные средства пошли на покрытие задолженностей по экспедициям 1923 г. (Монголо-Урянхайской, Северо-Двинской и северо-уральских исследований Городкова)⁴¹.

Нехватка финансирования, получаемого непосредственно по заявкам КЭ, не означала свертывания экспедиционной деятельности. РАН выполняла свои полевые исследования в кооперации с другими научными учреждениями или откликнулась на просьбы хозяйствующих органов различного ведомственного подчинения и проводила работы за их счет (таким образом, например, финансировалось большинство экспедиций КЕПС), изыскивала внутренние резервы для их проведения. Бывали случаи поездок за личные средства. В 1924 г. осуществление большинства запланированных экспедиций стало

³⁷ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 18. Д. 22. Л. 80.

³⁸ СПФ АРАН. Ф. 138. Оп. 1–1924. Д. 1. Л. 23 об.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Возможно, речь идет о не осуществленной в 1919 г. экспедиции зоолога и орнитолога С. А. Бутурлина (1872–1938). См.: Протоколы Физико-математического отделения РАН. № 5. 26 марта 1919 г. С. 79–80. Благодарю О. А. Красникову за предоставленную информацию.

⁴¹ СПФ АРАН. Ф. 138. Оп. 1–1924. Д. 1. Л. 27.

также возможным благодаря финансированию именно сторонних организаций. Так, Северо-Уральская экспедиция Городкова, как и прежде, была проведена совместно с Уралпланом, поездка Б. С. Виноградова для зоологических исследований в Иркутской губернии оказалась возможной за счет Сибирского земельного управления; при «ближайшем участии РАН», но не средства, выделенные Российскому гидрологическому институту, продолжила свою работу Олонецкая научная экспедиция под руководством Верещагина; за счет Монголо-Тибетской экспедиции Козлова были командированы в Монголию минералог В. И. Крыжановский для изучения месторождений самоцветов, почвовед Б. Б. Полюнов для проведения почвенных исследований, археологи С. А. Теплоухов и Г. О. Боровка; Н. А. Кулик исследовал район Полярного Урала в составе Северо-Уральской экспедиции Городкова за счет средств Геолкома и Уралоблисполкома; продолжились работы Минералогического музея в составе Северной научно-промышленной экспедиции НТО и др.

За счет внутренних резервов с частичным привлечением стороннего финансирования была предпринята поездка Л. Л. Солодовниковой (ГиММ) на Тюя-Муюнский радиевый рудник, осуществлена рекогносцировка новых костеносных линз в области Северной Двины М. Б. Едемским, геологическое изучение северо-западной Монголии и Урянхайского края (З. А. Лебедева, М. Ф. Нейбург), осуществлена поездка В. В. Бартольда в Баку для исследования восточных рукописей и чтения лекций по приглашению Азербайджанского университета и др. Поездка Ф. И. Щербатского по буддийским монастырям Забайкалья была совершена в «каникулярное время», а П. Ю. Шмидт на собственные средства прибыл на Севастопольскую биологическую станцию для участия в гидрологических исследованиях, которые были организованы Главным гидрологическим управлением при участии РАН.

На полевой сезон 1925 г. КЭ испрашивала 49 265 руб. на проведение 21 экспедиции. Предоставленное финансирование оказалось в три раза меньше и составило 15 000 руб. Количество экспедиций было сокращено до девяти. В их число вошли Саянская экспедиция А. Н. Лабунцова (Минералогический музей (ММ)), продолжение Туркестанских исследований А. В. Мартынова (ЗМ), Новоземельская экспедиционная поездка Виттенбурга⁴², обследование соляных озер Крыма Курнаковым⁴³, работа на Севастопольской биологической станции академика Н. В. Насонова (ЗМ), Кавказская экспедиция Н. А. Буша (БМ), Забайкальская – Виноградова (ЗМ), поездка Верещагина (секретарь Комиссии АН по изучению озера Байкал) для организации исследований на Байкальской станции, и поездка в Персию Ю. Н. Марра для ознакомления с постановкой «книжного дела». Кроме этих экспедиций был проведен еще ряд полевых исследований, о которых отчитались конкретные академические

⁴² Виттенбург не смог лично принять участие в этой экспедиции, и она работала под руководством его заместителя М. А. Лавровой (Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1925 г., составленный непременным секретарем, академиком С. Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 2 февраля 1926 года. Л., 1926. С. 336).

⁴³ Там же. С. 276, 312.

учреждения, организовавшие их за счет своих или полученных от сторонних организаций средств ⁴⁴.

Приведенные нами данные по деятельности КЭ в 1922–1925 гг., на наш взгляд, показывают, что экспедиционные исследования АН в эти сложные в экономическом и нестабильные в политическом отношении годы активно развивались и по сравнению с довоенными годами значительно расширились. При этом их количественный рост был характерен не только для априорно направленной на решение прикладных задач КЕПС, но и для других академических учреждений, прежде всего ГиММ, ЗМ и БМ. Несмотря на трудности в получении финансирования для их осуществления (что, впрочем, являлось и является актуальным во все времена существования АН), академические учреждения находили возможность для решения своих задач, привлекая средства сторонних заинтересованных организаций или участвуя в экспедициях других ведомств.

Весной 1925 г. КЭ начала организовывать научно-популярные лекции о результатах проведенных экспедиций и поездок ученых. Первая состоялась 11 марта 1925 г. в Большом конференц-зале Академии наук. Ее прочитал приехавший ненадолго из Монголии Козлов, который впервые рассказал о сделанных Монголо-Тибетской экспедицией уникальных археологических находках в горах Ноин-Ула ⁴⁵. В этом же году о работах на Новой Земле рассказал А. И. Толмачев (БМ), а своими заграничными впечатлениями поделились В. Г. Тан-Богораз (МАЭ) и Стеклов.

К концу 1924 г. выстроилась «бюрократическая вертикаль» государственных и общественных учреждений и в основном сложился порядок утверждения экспедиций разных ведомств. После обсуждения списка академических проектов на заседаниях КЭ экспедиции рассматривались (по тематической принадлежности) в секциях оргбюро, где проходили основные дискуссии об их научной значимости и очередности финансирования. Наркомпрос, учитывая мнение оргбюро, составлял общую заявку ведомства и представлял ее в Госплан для дальнейшего прохождения по инстанциям, где академические экспедиции рассматривались на общих основаниях с заявками других государственных структур. Некоторое упрощение прохождения документов произошло после празднования 200-летнего юбилея Академии наук осенью 1925 г.: АН из структуры Наркомпроса была переведена в непосредственное подчинение Совнаркому. Новое положение позволило АН решать свои проблемы обращая напрямую в правительство, где было создано Управление научными учреждениями. Однако имелись и негативные последствия изменения ведомственной принадлежности: усилилось партийно-правительственное вмешательство в академическую деятельность ⁴⁶.

Начиная с 1925 г. АН стала выполнять региональные заказы по изучению союзных и автономных республик, пример которым подала Якутская АССР, пер-

⁴⁴ Практические все экспедиции КЕПС 1924 г. были профинансированы из особых средств ВСНХ.

⁴⁵ Козлов П. К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. / Ред.-сост. Т. И. Юсупова, сост. А. И. Андреев. СПб., 2003. С. 457.

⁴⁶ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). 1922–1952 / Сост. В. Д. Есаков. М., 2000. С. 11.

вой обратившаяся к Академии наук с просьбой оказать помощь в исследовании республики. Реакцией на этот социальный заказ явилось создание специальных академических комиссий по организации изучения того или иного региона. К 1927 г. в системе АН работали: Комиссия по изучению Якутской АССР (председатель В. Л. Комаров), Комиссия по изучению Казахской АССР (председатель А. Е. Ферсман), Комиссия по изучению среднеазиатских республик (председатель В. В. Бартольд), Комиссия по изучению Закавказской СФСР (председатель Ф. Ю. Левинсон-Лессинг), Северная комиссия (председатель Д. А. Золотарев), Комиссия по изучению Чувашской АССР (председатель Н. Я. Марр), Комиссия по изучению Башкирской АССР (председатель С. И. Руденко), Комиссия по изучению Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР (Монгольская комиссия, председатель С. Ф. Ольденбург).

Для координации работы этих комиссий в начале 1926 г. в Академии наук был создан Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик (ОКИСАР), председателем которого Общее собрание 3 апреля 1926 г. утвердило Ферсмана, а ученым секретарем – Б. А. Линденера. Задачи ОКИСАРА в значительной мере определялись названием этого органа. Как говорилось в положении об ОКИСАРе (оно было одобрено Общим собранием 1 октября 1927 г.), это академическое учреждение имело своей целью проведение систематических исследований естественных производительных сил и населения национальных республик СССР, причем подчеркивалось, что «работает комитет на средства, ассигнуемые правительством союзных республик и пополняемые из сметы Академии наук»⁴⁷.

Одновременно с выполнением заказов на исследовательские работы в регионах, продолжала развиваться и собственно экспедиционная деятельность академических учреждений, которую по-прежнему курировала Комиссия по научным экспедициям. (Отметим, что экспедиции ОКИСАРА в документах АН часто назывались «исследовательскими» в отличие от «научных», которые шли в рамках КЭ.) На девяти заседаниях КЭ, состоявшихся в 1926 г., обсуждались в основном текущие организационные вопросы: выработка критериев отбора заявок, внесение изменений в запланированные сметы, определение размера вознаграждения лицам, участвующим в экспедициях, условия работы академических сотрудников в экспедициях других ведомств, вопросы снаряжения экспедиций, их отчетности, распределение финансирования по научным направлениям и др.⁴⁸ В 1926 г. КЭ рассмотрела 34 экспедиционные заявки. Утверждены были, прежде всего, продолжающиеся проекты: Северо-Двинские раскопки Едемского, работы на Байкале Верещагина, Новоземельские исследования Виттенбурга, изучение Гыданской тундры Городковым в рамках Северо-Уральской экспедиции, физико-химические исследования соляных озер Крыма Курнаковым (КЕПС) и др.

⁴⁷ Цит. по: *Виттенбург Е. П.* Комиссия Академии наук по изучению производительных сил Якутской АССР (1925–1930 гг.). Якутск, 2008. С. 165.

⁴⁸ В 1926 г. состоялись девять заседаний комиссии: пять под председательством Ольденбурга, три – Ферсмана и один раз – И. Ю. Крачковского (Отчет о деятельности АН СССР за 1926 год, составленный непреходящим секретарем, академиком С. Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 2 февраля. 1927 года. Л., 1927. Ч. 1. Общий отчет. С. 278).

На 1927 г. в КЭ были представлены уже свыше 70 заявок на сумму около 160 000 руб. При их обсуждении (16 апреля 1926 г.) Ольденбург отметил особенность проектов последних лет, которая заключалась в том, что главным образом представлены заявки на исследовательские командировки, а не на крупные экспедиции, т. е.

преимущественно удовлетворяются не нужды научных учреждений, а нужды отдельных лиц, ведущих ту или иную научную работу, или производится сбор музейных материалов и коллекций⁴⁹.

По мнению неперемного секретаря, такая форма экспедиционной деятельности АН не совсем правильна и следовало бы принять некоторые меры против дробления научных экспедиций и связанного с этим распыления средств. После обмена мнениями по этому вопросу была избрана комиссия, которой поручалось рассмотреть представленные проекты, выяснить возможность их объединения и наметить к осуществлению в 1927–1928 гг. несколько крупных научных экспедиций взамен отдельных командировок⁵⁰. Но попытки объединить исследования разных учреждений особым успехом не увенчались. Индивидуальные исследовательские планы трудно поддавались соединению и объединению. Комплексные экспедиции оставались прерогативой ОКИСАРА, в которых нередко наряду с выполнением региональных заказов ученые решали также свои научные задачи.

Тем не менее, как Ольденбург отметил в отчете о работе Академии наук в 1926 г., экспедиционная деятельность АН продолжала развиваться и кредиты на научные академические экспедиции увеличивались каждый год⁵¹. В 1927 г. Комиссия по научным экспедициям получила 90 000 руб. Эта сумма была значительно меньше запрашиваемой, но более чем в два раза превосходила финансирование предыдущего года. В 1927 г. продолжились северодвинские раскопки сотрудниками Геологического музея уже под руководством А. П. Гартман-Вейнберг, исследования на Байкале Верещагина, экспедиция Городкова в Гыданской тундре, заканчивала этнолого-лингвистические исследования, начатые в 1926 г., Амурская экспедиция КИПС под руководством Л. Я. Штернберга и др.

Для более наглядной презентации экспедиционной деятельности в 1927 г. была изменена структура второй части отчета о деятельности АН: обзор экспедиций и поездок представлялся по географическому принципу, а не по академическим учреждениям, как в предыдущие годы. Такой подход позволил показать территориальный размах и разнообразие решаемых академическими экспедициями задач, однако затруднил разделение экспедиций по комиссиям, которыми они были организованы. Анализ протоколов КЭ и ОКИСАРА начиная с 1927 г. также показывает, что разобраться с «ведомственной» принадлежностью экспедиций непросто. И данное обстоятельство симптоматично. Во-первых, немногочисленные тогда академические сотрудники были востребованы, их приглашали участвовать в комплексных экспедициях и од-

⁴⁹ СПФ АРАН. Ф. 138. Оп. 1–1926. Д. 6. Л. 42.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Отчет о деятельности АН СССР за 1926 г.... С. 278.

новременно они подавали свои индивидуальные заявки. Вопросы, решаемые в экспедициях ОКИСАРА, находили свое продолжение в экспедициях КЭ и наоборот. А во-вторых, основной формой экспедиционной деятельности академических учреждений были в эти годы научные командировки. Их кратковременность позволяла ученым за один сезон провести два, а то и более полевых, в основном рекогносцировочных, исследований.

Во второй половине 1920-х гг. организация экспедиций стала представлять собой своеобразный производственный процесс, который требовал определенной унификации. С этой целью в конце 1926 г. КЭ разработала «Инструкцию по организации, финансированию и отчетности научных экспедиций АН СССР»⁵². Этот документ был призван решить возникающие в процессе подготовки и проведения экспедиций финансовые и кадровые вопросы, порядок отчетности и инвентаризации экспедиционного имущества.

Инструкция была опубликована отдельной брошюрой и действовала до 1932 г., когда было принято «Положение об организационном построении экспедиций Академии наук, имевших задачей изучение производительных сил Союза»⁵³, составленное уже в соответствии с новым уставом АН и ее задачами в индустриализации страны.

В структуре Академии наук 1926 г. КЭ действовала еще как самостоятельная комиссия, занимаясь организацией экспедиций и отчетностью по ним академических учреждений и комиссий. В 1927 г. КЭ потеряла свою самостоятельность и стала отделом научных экспедиций ОКИСАРА наравне с региональными отделами, основу которых составили специальные комиссии по изучению той или иной территории. Председателем отдела остался Ольденбург, его заместителем – Ферсман, ученым секретарем – Раевский. Но и на этом не закончились организационные перестройки КЭ.

В конце 1920-х гг. усилилось идеологическое и административное давление на АН со стороны правительственных учреждений, направленное на «встраивание Академии наук в государственную систему»⁵⁴. С этой целью принимались различные меры по «совершенствованию» ее структуры, в том числе организации экспедиционной деятельности АН. В этой связи постановлением СНК СССР от 18 марта 1928 г. был утвержден новый список учреждений АН, в котором ОКИСАРА был переименован в Комиссию экспедиционных исследований (КЭИ). Структура КЭИ состояла из четырех отделов (экспедиций научных учреждений АН, международных экспедиций, экспедиций по заданиям республик и учреждений, комплексного экспедиционного исследования Якутской АССР) и комиссий, входивших в ОКИСАРА. Председателем КЭИ стал Ферсман, его заместителями – академики Бартольд и Комаров, ученым секретарем – Раевский.

Переименованием реорганизация не закончилась. После проверки работы АН специальная комиссия Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) от 5 мая 1928 г. постановила обязать АН

⁵² Инструкция по организации, финансированию и отчетности научных экспедиций АН СССР. Л., 1927 (тираж 350 экз.).

⁵³ Организация советской науки в 1926–1932 гг. Сборник документов / Сост. К. Г. Большакова, Н. Н. Виноградова, Л. Г. Дубинская и др. Л., 1974. С. 232.

⁵⁴ Колчинский Э. И. «Культурная революция» и становление советской науки (1928–1932) // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э. И. Колчинский. СПб., 2003. С. 587.

в целях сокращения административно-управленческих расходов объединить всю экспедиционную деятельность в одном органе – Комиссии экспедиционных исследований⁵⁵.

Академия наук приняла директиву к исполнению, и в состав КЭИ вошли Комиссия по изучению Якутской АССР и Монгольская (по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР) комиссия.

Характеризуя деятельность новой комиссии, Ольденбург в «Отчете о деятельности АН СССР за 1928 год» отметил, что КЭИ теперь «объединяет всю экспедиционную работу академии, как чисто научную, так и научно-практическую»⁵⁶.

Об интенсивности ее организационной работы говорит, например, такой факт: руководство КЭИ обратилось в Управление делами АН с просьбой увеличить заработанную плату административного аппарата КЭИ. В обосновании своей просьбы КЭИ указывает, что кроме объема, следует принять во внимание и условия работы, которую приходится нести административному аппарату КЭИ.

Экспедиционное дело живое, не допускающее промедления, часто требующее немедленного решения; вследствие чего работа обслуживающего аппарата требует от сотрудников почти постоянного нервного напряжения. Поэтому размер содержания должен быть несколько повышен по сравнению с содержанием служащих в других учреждениях АН⁵⁷.

Всего в 1929 г. были организованы 59 экспедиций и отрядов общей численностью 517 человек и осуществлены 108 отдельных научных поездок⁵⁸. При этом в отчете уже не указывалось количество экспедиций по Отделу научных учреждений. Как позитивный момент деятельности КЭИ в общеакадемическом отчете за 1929 г. отмечалось, что

работа КЭИ позволила внести наибольшую плановость в экспедиционное дело академии и получить наиболее крупные результаты в практическом и научном отношении, а также содействовала максимальной экономии денежных средств. Комиссия проводила увязку и согласование экспедиционных исследований с пятилетним планом социалистического строительства как всего Союза в целом, так и отдельных республик и областей⁵⁹.

Тяжелый удар по деятельности КЭИ был нанесен осенью 1929 г., когда по сфабрикованному так называемому «академическому делу» были уволены ученый секретарь КЭИ Раевский и ученый секретарь Комиссии по изучению Якутской АССР Виттенбург. В их защиту активно выступил Ферсман. 24 ноября 1929 г. он направил Комарову письмо, в котором писал:

⁵⁵ СПФ АРАН. Ф.138. Оп. 1–1928. Д. 6. Л. 48.

⁵⁶ Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1928 год. Составлен неперменным секретарем, академиком С. Ф. Ольденбургом. С приложением отчетов отдельных академических учреждений. Л., 1929. Ч. 1. Общий отчет. С. XIV.

⁵⁷ СПФ АРАН. Ф. 138. Оп. 1–1928. Д. 6. Л. 5.

⁵⁸ Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1929 год. Составлен и. о. неперменного секретаря, академиком В. Л. Комаровым. Л., 1930. Ч. 1. С. 251.

⁵⁹ Там же. С. XIV.

В связи с состоявшимся решением комиссии т. Фигатнера о снятии с работы проф. Виттенберга и Раевского и ввиду необходимости для меня сосредоточить свое внимание на важнейших делах экспедиционных работ сообщаю, что мною подано заявление акад. Карпинскому как президенту о сложении с меня обязанностей вице-президента и очень прошу Вас с 25-го числа взять на себя важнейшие обязанности вице-президента, если на то последует согласие президента⁶⁰.

26 ноября 1929 г. его просьба об отставке, как известно, была удовлетворена.

Как следствие развернувшегося тотального планирования научно-исследовательской деятельности в апреле 1930 г. в составе АН был образован Совет по изучению производительных сил (СОПС) куда вошли КЭИ и КЕПС. Общее собрание АН СССР утвердило положение о СОПС, задачей которого являлось

общее руководство научно-исследовательской деятельностью учреждений АН СССР в той части, которая имеет целью изучение производительных сил Союза⁶¹.

Но на деле СОПС в 1930-е гг. занимался планированием всей экспедиционной деятельности Академии наук.

СОПС представлял из себя крупное учреждение, со своим штатом сотрудников, состоящее из двух секторов – тематического (на основе КЕПС, председатель Курнаков) и территориального (председатель Ферсман) – и обслуживающих его научно-организационную деятельность административных служб: планово-экономического бюро, юрисконсульта, канцелярии, справочной библиотеки, инвентарной базы. Первым председателем СОПС стал академик И. М. Губкин.

Образование в 1930 г. СОПС⁶² ознаменовало собой завершение работы по созданию в Академии наук единого центра по организации экспедиционной деятельности. Такая централизация давала возможность государству контролировать и направлять деятельность академических учреждений на решение народно-хозяйственных проблем, что отвечало общим тенденциям в развитии отношений Академии наук и государства в этот период. Организация научных экспедиций, под которыми подразумевались экспедиции, направленные на решение исследовательских задач не прикладного характера, разумеется, продолжалась и дальше, но уже никогда не делегировалась особому подразделению в структуре Академии наук. Каждому научному учреждению приходилось самому решать все возникающие при этом административные и финансовые проблемы, изыскивая средства на проведения экспедиций, как правило, из своих «внутренних резервов»⁶³.

⁶⁰ Цит. по: *Кольцов А. В.* Академик А. Е. Ферсман – вице-президент Академии наук // Деятельность русской науки XIX–XX веков. Исторические очерки. СПб., 1996. Вып. 3. С. 142–143.

⁶¹ Цит. по: *Кольцов А. В.* Развитие Академии наук как высшего научного учреждения СССР. 1926–1932. Л., 1982. С. 252–253.

⁶² В составе Академии наук СОПС находился до 1960 г., затем был переведен в структуру Госплана.

⁶³ В последние два десятилетия большую помощь научным учреждениям в организации экспедиций оказывают специальные конкурсы, проводимые Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ) и Российским фондом гуманитарных исследований (РГНФ).